

Изначально он не должен был вмешиваться в дела дворца своей матерью, но, оказавшись в императорском дворе, он осознал, что двор и гарем тесно связаны. Взять, к примеру, родственников матери Пятого принца. Благодаря тому, что император благоволил драгоценной супруге Сюй, время от времени повышали в должности её близких, особенно её старшего брата, который недавно стал тайвзем. Для Первого принца это выглядело так, будто драгоценная супруга Сюй, «убедив» императора, протянула руку за этим.

Конечно, если бы драгоценная супруга Сюй знала о его мыслях, она бы только закатила глаза.

Женщина, чьи глаза и сердце принадлежали исключительно императору, вряд ли стала бы просить милостей для своей семьи, да ещё и сразу высшую военную должность. Императору, возможно, и не страшно, что его трон станет менее устойчивым, но она боялась, что он просто хочет сыграть в игру «поднять, чтобы потом уничтожить».

Её брат уже объяснил через жену, что это произошло из-за их жадности. Ранее их отец получил неизвестно откуда [с ударением] сообщение о том, что цензоры собираются обвинить его, и по собственной инициативе подал в отставку, пожертвовав более одиннадцати тысяч му земли, тридцать винокурен и восемьдесят тысяч лян золота. Императору нужны были именно такие жадные, слабые и при этом умеющие зарабатывать военачальники, которых легко контролировать и «забывать» в нужный момент.

— Вскоре твой брат тоже отправится на службу в качестве коррумпированного чиновника. Не надейся на помощь семьи, кто знает, когда мы рухнем.

А повышения других родственников — это были действительно незначительные должности, просто чтобы показать благосклонность.

Первый принц, не зная всех тонкостей, думал лишь о том, что через два года, когда Пятый принц войдёт в императорский двор, он неизбежно унаследует огромный политический капитал и станет его главным врагом.

Драгоценная супруга Сюй больше не должна пользоваться благосклонностью!

Первый принц поднялся и направился во дворец. По пути он встретил Цзян Синсю и, осенившись идеей, полупринудительно, полудружелюбно увёл его с собой.

По дороге он начал заводить разговор.

— Одиннадцатый брат, скучаешь ли по тётке?

Цзян Синсю бросил на него взгляд и промолчал.

— Такой маленький ребёнок, а тётка отпускает тебя одного с несколькими слугами. Не бойся, старший брат отведёт тебя во дворец своей тётки, угостим сладостями. Одиннадцатый брат, любишь сладости?

[Он воспринимает тебя как ребёнка, которого легко обмануть — о, ты сейчас действительно ребёнок.]

Даже без подсказки системы Цзян Синсю это понимал.

Поэтому он продолжал вести себя как высокомерный богатый наследник, не обращая внимания на собеседника.

Улыбка на лице Первого принца постепенно исчезла. Внутренне он отметил, что это действительно сын драгоценной супруги Сюй — такой же надменный и дерзкий.

Однако, когда они подошли к дворцу, он снова улыбнулся.

Даже если отец благоволит драгоценной супруге Сюй, стоит лишь несколько раз напомнить ему, что у неё есть такой сын, и даже самая глубокая привязанность со временем иссякнет.

Затем он притворился, что не знает о присутствии императора и драгоценной супруги Сюй, извинился за то, что прервал трапезу старших, и сказал, что увидел Одиннадцатого принца, играющего в императорском саду без сопровождения, и, беспокоясь о его безопасности, решил «временно» привести его с собой, а затем уведомить драгоценную супругу Сюй.

Император был рад видеть, что его сыновья дружны между собой, а также учитывая, что в Великой Чу не было строгих ограничений на общение между мужчинами и женщинами, он позволил обоим сесть, хотя, как обычно, игнорировал Цзян Синсю, демонстрируя своё пренебрежение.

Более того, чтобы подчеркнуть контраст, он очень тепло спросил Первого принца, недавно вошедшего в императорский двор, не испытывает ли он каких-либо трудностей. Такое отношение заставило Первого принца почувствовать себя невероятно польщённым, и он изо всех сил старался показать свои управленческие способности, чтобы завоевать доверие императора и получить больше реальных полномочий, увеличивая свой политический капитал.

В это время зверь, пожирающий железо, который лениво лежал у кресла императора, внезапно поднялся и, пока никто не обращал на него внимания, потряс своей пушистой шкурой и медленно пополз в сторону Цзян Синсю.

Цзян Синсю в это время боролся с кувшином молока — трое вышедших желали поиграть в липкую игру «ты кормишь меня, я кормлю тебя», и слуги не подавали блюда, а Цзян Синсю ещё не был настолько важен, чтобы император позаботился о нём специально.

Вдруг он почувствовал, как что-то пушистое коснулось его лодыжки.

Цзян Синсю изменился в лице и тихо произнёс:

— Уйди.

Очаровательный зверь, пожирающий железо, прижался к его стулу, лапкой слегка трогая его ногу и смотря на него своими большими чёрными глазами.

Проблема была в том, что даже император не мог заставить это существо сдвинуться хоть на шаг, а теперь оно подползло к его ноге. Если бы не то, что трёхлетний ребёнок сидел на высоком стуле, Цзян Синсю бы подумал, что оно хочет забраться к нему на колени.

Цзян Синсю повторил:

— Вернись назад.

Зверь смотрел на него с мольбой, не двигаясь.

Цзян Синсю нахмурился, и только тогда зверь, обиженно вздохнув, отпустил стул и, покачивая своими пухлыми бёдрами, пополз обратно.

Цзян Синсю облегчённо вздохнул и продолжил бороться с кувшином молока — он уже выпил треть, скоро будет половина!

Ощувив нечто странное, он снова посмотрел вниз и увидел, что зверь снова лежит у его стула, радостный, как двухсоткилограммовый малыш.

Цзян Синсю: «...»

Он снова прогнал его, но через некоторое время, почувствовав неладное, заглянул под стол и увидел, что пушистый толстяк снова направляется к нему.

В это время рука Первого принца протянулась под стол, видимо, в попытке погладить зверя.

Цзян Синсю бросил взгляд на Первого принца, который смотрел на императора, а супруга Шу внимательно наблюдала за императором и Первым принцем. Решившись, он соскользнул под стол, сделал шпагат и наступил — точнее, придавил шерсть — зверя.

Для таких неразумных существ, управляемых только инстинктами, только присутствие Владыки Цзывэй могло их успокоить, а команды они забывали через короткое время.

Первый принц, продолжая беседовать с императором, тайком... нет, гладил давно желанного зверя, пожирающего железо.

Поглаживая, он наткнулся на что-то гладкое.

Первый принц:

— ...Что?

Цзян Синсю позеленел.

Драгоценная супруга Сюй быстро сориентировалась и сладко сказала:

— Ах, государь, сегодня день рождения супруги Шу, зачем ты трогаешь мою ножку?

Император, очарованный, ответил:

— Трогаю ножку своей любимой, конечно...

Эм?!!!

Он не трогал ногу своей любимой!

Император огляделся и увидел, что пятнадцатилетний Первый принц выглядит странно. Его лицо позеленело, и он почувствовал, что цвет его шапки совпадает с цветом лица.

— Негодяй!

Это же твоя мачеха!!!

Цзян Синсю молча убрал ногу и, среди криков о пощаде, всхлипов и звуков ломающихся ног, очень спокойно вернулся на свой стул, делая вид, что ничего не произошло.

Реинкарнация Владыки Цзывэй была особенной, и тело ребёнка было очень гибким, поэтому

шпагат не причинил ему вреда.

Никто не заметил, что Одиннадцатый принц покидал своё место.

Первого принца с переломанной ногой унесли в его резиденцию, ранее обещанные ему политические дела отменили, и, как назло, той же ночью у него поднялась температура.

К счастью, это вовремя заметили, вызвали врача, и Первый принц, обладая крепким здоровьем, быстро поправился, а на следующий день пришёл в себя.

Очнувшись, Первый принц сказал:

— Хм, умер, пытаюсь погладить национальное сокровище? Ну, не зря.

Помолчав, он поёрзал пальцами, с блаженной улыбкой вспоминая:

— Но, должен сказать, ножка драгоценной супруги Сюй была восхитительна, такая маленькая и нежная, легендарные «трёхдюймовые золотые лотосы» — это того стоило!

Как же хорошо быть в прошлом, в современности он бы никогда не смог прикоснуться к ноге другой женщины.

Цзян Синсю услышал от Пятого принца, что Первый принц после этого происшествия, не выдержав потрясения, начал вести себя распушенно, постоянно приводя женщин в свою резиденцию — ведь раньше, чтобы показать себя с лучшей стороны, он не позволял себе поддаваться желанием, чтобы его не посчитали беспомощным рабом своих страстей.

Пятый брат, перебирая пальцы, сказал:

— Старший брат не стал инвалидом, но непонятно, действительно ли он сдался или просто скрывает свои амбиции. Второй и Третий принцы уже вошли в императорский двор, в следующем году будет Четвёртый, я отстаю от них на два года, но это не страшно, за два года в императорском дворе вряд ли произойдут серьёзные изменения.

Цзян Синсю лениво перевернулся — он был всего лишь трёхлетним ребёнком, ничего не понимающим и живущим в праздности. Политика его не касалась.

Когда Пятый принц вошёл в императорский двор, трёхлетний ребёнок, живущий в праздности, стал пятилетним ребёнком, живущим в праздности. Всё равно это была одна и та же праздность.

Заранее готовиться к борьбе за трон? Нет, такого не было.

Даже драгоценная супруга Сюй не думала прокладывать путь своему младшему сыну. Даже будучи реинкарнацией Владыки Цзывэй, без хороших учителей и качественного образования шансы на успех были крайне низки, настолько низки, что её единственным желанием для него было стать спокойным принцем, а когда старший сын взойдёт на трон — спокойным князем.